DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН И КИТАЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖСИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.В. Виноградов, А.В. Рябов

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов, Институт Дальнего Востока РАН; профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, email: vinogradov_a.v@mail.ru; **РЯБОВ Андрей Виленович,** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: andreyr@imemo.ru

Виноградов А.В., Рябов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации. – Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 69-86. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05

Статья поступила в редакцию: 06.11.2018. Принята к печати: 14.01.2019

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать, почему рыночные преобразования в странах, образовавшихся на территории бывшего СССР, привели их к состоянию длительной стагнации, в то время как КНР сумела продемонстрировать значительные успехи в социально-экономическом и технологическом развитии. Объектом изучения являются трансформации политических систем КНР и постсоветских стран в процессе межсистемного перехода. По мнению авторов, успех Китая был обусловлен не только авторитарной модернизацией, которая неоднократно демонстрировала свою эффективность в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному. Огромную роль сыграло следование КПК политической традиции, согласно которой при любых трансформациях государство с его профессиональной бюрократией остается неизменной основой социального порядка. В период реформ Китаю удалось удержать баланс между стабильностью и развитием. Постсоветские страны, за исключением России, находились в существенно иных условиях: они не имели развитых традиций государственности, ее строительство им приходилось начинать фактически заново; в некоторых из них в 1990-е годы победило мнение, что в процессе перехода к рынку роль государства нужно минимизировать; сами постсоветские элиты не были заинтересованы в создании сильных и устойчивых институтов государственной власти, их деятельность была подчинена реализации групповых интересов.

Ключевые слова: политические системы, эффективность власти, постсоветские государства, Китай, авторитаризм, демократический транзит.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Итоги развития КНР и стран, образовавшихся в результате распада Советского Союза, серьезно различаются, что, на первый взгляд, затрудняет их сравнение. В отличие от постсоветских государств Китай за годы реформ достиг впечатляющих успехов, превратился во вторую экономику мира, сохранив при этом однопартийную политическую систему.

Во многом благодаря достижениям Китая стали пересматриваться господствующие в политической науке взгляды на политическое развитие в начале XXI в. Вопреки прежним представлениям о скором торжестве идей либеральной демократии [Фукуяма 1990], за пределами западного мира появились

успешные социально-экономические и политические модели. Среди стран, где были реализованы такие модели, Китай занимает особое место как в силу размеров, так и в силу особенностей истории и общественного строя, позволивших ему наиболее ярко продемонстрировать потенциал преемственности для поиска ответа на новые вызовы.

Точно так же, как военное, техническое и экономическое превосходство Запада с конца XV в. породило интерес к его политическим порядкам, так и экономические успехи Китая в нашу эпоху заставили иначе посмотреть на его политическую систему, сыгравшую важную, если не решающую роль в его модернизации. Международное признание "пекинского консенсуса" показало, что появилась оригинальная, значимая для всего мира общественная модель, изначально не претендовавшая на всемирно-историческое значение [Дэн Сяопин 1988: 61]. Следствием этого стало появление новых типологий восточноазиатских моделей развития (Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура). В них исследователи стали обнаруживать общие, сущностные черты сходства с политической и экономической системой КНР [Переломов 2007]. Если раньше их специфические черты воспринимались как обусловленное национальной традицией отклонение от универсальной, западной модели, то теперь их можно объединить в общий класс явлений, своего рода итожащих развитие Востока [Богатуров, Виноградов 2002: 123].

До недавнего времени основным методологическим приемом изучения незападных политических систем было их сравнение с западной. Сейчас появилась возможность оценить саму западную систему с точки зрения китайской модели. И потому что успехи Китая в общественно-экономическом развитии общепризнанны, и потому что его нынешняя политическая система обнаруживает все больше черт преемственности с традиционной и с политическими системами других стран конфуцианского культурного ареала, и потому что ей в наибольшей степени удалось сохранить отличие от западной политической системы. Это тем более справедливо для оценки переходных политических систем, в первую очередь бывших социалистических государств. Вслед за появлением успешно действующей модели возникла еще одна референтная точка, которая может давать собственную интерпретацию существующим общественным системам, что имеет важное методологическое значение[1].

Интерес к политическим системам постсоветских стран вызван другими, прямо противоположными обстоятельствами, прежде всего стремлением понять, почему, несмотря на большие различия политических режимов и экономических систем, эти страны оказались неспособны осуществить социально-экономическую модернизацию, оставшись в тисках долгосрочной стагнации.

Отметив различия мотивов появления интереса к роли политических систем в межсистемной трансформации Китая и постсоветских государств, подчеркнем, что эти модели вышли из одного исторического корня – "реального социализма", базировавшегося на плановой экономике, монополии коммунистических партий на власть и господстве коммунистической идео-

[1] "КНР бросила обществоведам серьезный вызов при попытках определить универсальные законы – другими словами, причинно-следственные связи, которые можно наблюдать в похожих масштабах в большинстве политических и экономических контекстов вне зависимости от специфических региональных или ситуационных факторов" [Heilmann 2017: 33].

логии. В общности исторических корней состоит еще одна причина интереса к анализу этих политических конструкций.

В научной литературе существуют разные подходы к изучению и различные интерпретации современных политических систем постсоветских стран и Китая.

Китайская политическая система неизменно привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Стоит напомнить, что автор идеи "столкновения цивилизаций" С. Хантингтон свою известность приобрел благодаря книге, посвященной политическим системам развивающихся стран, в которой высказал мнение, что порядок сам по себе имеет особую ценность для развития, вне зависимости от того, является ли этот порядок авторитарным или демократическим [Huntington 1968].

Целый ряд западных авторов признали способность авторитаризма в Китае изменяться и быть эффективным, назвав такую систему "авторитарной отзывчивостью". На их взгляд, это стало возможным благодаря появлению четырех характерных черт: системы правил передачи политической власти; тщательному отбору на политические должности по профессиональным качествам; разделению и специализации органов власти; включению в систему политического участия масс [Nathan 2003: 6]. Такую политическую систему называют "совещательной демократией" (*deliberative democracy*) [Leib, He 2006].

Существует и другой подход к оценке современной политической системы КНР. Так, Д. Шамбо ставит под сомнение способность современной политической системы КНР позитивно эволюционировать. Он считает, что прогрессивный характер она имела только в 1998-2008 гг., когда "мягкий авторитаризм" способствовал экономическому развитию. Но уже с 2009 г. авторитаризм стал "окостеневать", а сама система перестала способствовать экономическому развитию [Shambaugh 2016: 123].

Китайские ученые ограничены официальной линией партии и конституцией КНР, в которой закреплено положение о монополии КПК на власть[2], что находит отражение в китайском научном дискурсе: "КНР – это социалистическое государство, возглавляемое КПК, КПК несет на своих плечах бремя управления государством", это "высшая руководящая политическая сила" [Лю 2018: 21].

Политическую систему КНР называют "консультативной демократией", "которая является формой народной демократии" [Дун 2017: 40]. Ее отличительной чертой выступает система многопартийного сотрудничества и контроля при признании руководящей роли КПК, которая обеспечивает четкое реагирование политической системы на запросы и требования общества и вызовы времени [Korolev 2016; 2017]. С начала XXI в. в рамках этой системы протекает процесс постепенного перехода от правительства развивающего типа к правительству обслуживающего типа [Тан 2016: 3]. При этом в Китае обязательно подчеркивают "качественное отличие неизбежного процесса маркетизации Китая и западного рыночного общества" [Ли 2018: 14].

Существует немало исследований политических трансформаций в государствах, образовавшихся после распада СССР, однако целостной теории, которая объясняла бы эти преобразования, так и не возникло. Уже

[2] Конституция КНР, ст. 1. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018lh/2018-03/22/c_1122572202_3.htm (accessed 06.03.2019).

к концу 1990-х годов стало понятно, что теория демократических транзитов, с помощью которой пытались интерпретировать суть системных перемен в постсоветских государствах, не справилась с этой задачей [Hellman 1998; Карозерс 2003]. Их осуществление пошло явно не по пути консолидации и укрепления демократии, как это следовало из транзитологической теории.

В связи с этим применительно к постсоветским странам все чаще стали использовать понятие "гибридных режимов", которые, по сути, становясь новой формой авторитаризма, используют демократические институты и процедуры, но придают им имитационный характер [Мельвиль 2007: 134]. По мере укрепления авторитаризмов на постсоветском пространстве изучение переходных процессов сдвинулось именно в эту область.

Иной подход к трактовке постсоветских политических режимов предложил украинский политолог А. Фисун. Он выделил ведущую роль клиентарно-патронажных отношений в структурировании политико-экономического пространства постсоветских стран [Фисун 2007: 17]. Заметным шагом в направлении новой концептуализации постсоветских трансформаций стала книга американского политолога Г. Хэйла [Hale 2015], в которой он подробно анализирует неформальные клиентарно-патронажные отношения в политике новых независимых государств.Выводы о неопатримониальной природе постсоветской государственности чрезвычайно важны. Тем не менее эти особенности сами являются производными от базовых структур, доставшихся постсоветским государствам от их предшественника.

Следует выделить небольшую работу Бобо Ло и Лилии Шевцовой, посвященную сравнению постсоциалистической трансформации Китая и России [Lo, Shevtsova 2012]. В этой брошюре авторы указывают на серьезные различия китайской и российской модернизаций. К ним они относят разную роль и разное "качество" бюрократии в Китае и на постсоветском пространстве, успешное сочетание модернизации и стабильности в КНР и отсутствие такого баланса в постсоветских странах.

Главный вопрос при сравнительном изучении Китая и постсоветских государств заключается в том, почему итоги трансформации, пусть и промежуточные, на постсоветском пространстве столь разительно отличаются от тех, что можно наблюдать в КНР, несмотря на исходную типологическую близость. Этот вопрос затрагивает более фундаментальную проблему: была ли у постсоветских стран реальная альтернатива их нынешней модели, и если была, то почему она не реализовалась.

В Тихоокеанской Азии Китай, наряду с Вьетнамом, продолжил активно проводить успешные социально-экономические реформы, сохранив без изменений политические системы с монопольной властью коммунистических партий. В то время как страны, образовавшиеся на руинах СССР, так и не смогли ни сформулировать внятных ориентиров дальнейшей эволюции, ни выработать эффективных моделей – как в экономике, так и в строительстве современной государственности. В таком контексте задача сравнительного исследования о причинах внушительных успехов Китая и очевидной стагнации постсоветских стран становится еще более актуальной. Обычно отмечают, что Китаю было несравнимо проще осуществить переход от аграрного общества к индустриальному, имея в качестве ресурсов гигантское сельское население и дешевую рабочую силу [Китайский опыт... 2011: 148]. У постсоветских стран

для успешного транзита не оказалось социальных и политических драйверов этого процесса, следствием чего стала деиндустриализация, усиление аграрного и добывающего характера экономики, превращение их в источник сырьевых ресурсов, находящийся в самом низу цепочек добавленной стоимости.

Обращаясь к выяснению причин разных итогов рыночной трансформации постсоветских стран и Китая, мы хотели бы сосредоточиться на анализе роли политических систем в формировании фундамента их общественного строя.

РАЗЛИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ РЕФОРМ

Даже беглого сравнения столь разных предметов исследования в исходной точке трансформации достаточно, чтобы увидеть глубокие различия по такому важнейшему показателю, как состояние национальной государственности. В Китае к началу преобразований политическая система основывалась на власти коммунистической партии. В постсоветских государствах ситуация отличалась большим разнообразием. После распада СССР всем им, за исключением России, так или иначе пришлось создавать национальную государственность фактически "с нуля", опираясь на периферийные (республиканского уровня) административные структуры, доставшиеся в наследство от Советского Союза, которые в первую очередь являлись органами государственного управления, исполнителями политической воли союзного Центра. Иными словами, существовала проблема создания политической власти вообще. Ее нужно было сформировать из административно-управленческой, строго иерархической по своей природе вертикали. Это предопределило тяготение первых постсоветских правительств к авторитаризму и их нестабильность в условиях, когда в высококонкурентной политической среде, сталкиваясь с сильным сопротивлением оппозиции, они пытались действовать демократически. Россия не смогла опереться на мощные традиции государственности, поскольку в 1990-е годы в руководстве страны возобладали взгляды, согласно которым сильное государственное регулирование процесса реформ считалось неэффективным и вредным.

В большинстве постсоветских государств была ликвидирована "несущая конструкция" прежней политической системы – власть коммунистической партии (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина). Эти страны с момента провозглашения независимости объявили себя многопартийными демократиями. Однако сохранить приверженность политическому плюрализму удалось лишь Молдове, позже Грузии, Кыргызстану и Украине. Большинство стран в той или иной степени возвратилось к авторитаризму. По структуре власти их можно разделить на персоналистские (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан[3]), династические (Азербайджан, Таджикистан) и корпоративистские (Армения[4], Россия). При этом в Туркменистане и Узбекистане бывшие компартии поначалу сохранили привилегированное положение, хотя и были переименованы в Демократическую и Народно-демократическую партии. Однако, отказавшись от коммунистической идеологии, они не могли быть

[3] В период правления Туркменбаши (1991-2006) персоналистский режим в этой стране превратился в крайнюю, деспотическую форму – султанистский режим.

[4] Начиная с весны 2018 г. политический режим в Армении вступил в период трансформации, итоги которой пока предсказать сложно.

стержнем политической системы, превратившись в одну из опор (причем не главную) авторитарных персоналистских режимов.

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД РЕФОРМ

В Китае государство всегда воспринималось как системообразующий элемент социального пространства, его организатор, высшая ценность, "производитель" смыслов и гарант политического и социального порядка. Государство в иерархии ценностей всегда рассматривалось неизмеримо выше общества и личности. Устойчивость государства обеспечивалась спецификой китайской цивилизации. Даже завоеватели не могли его уничтожить – меняя правящую династию, они не изменяли принципов организации государственного аппарата[5]. При таком мощном потенциале устойчивости главным принципом развития китайской цивилизации на протяжении тысячелетий было совершенствование. Если на Западе, начиная с Нового времени, возобладали механизмы реагирования на вызовы путем создания новых социальных реалий и государственных институтов, то в Китае вплоть до XX столетия главенствовали механизмы самосохранения и противодействия вызовам за счет самосовершенствования, а изменения воспринимались как угроза порядку.

Развитая институциональная система на Западе обусловила высокий уровень специализации государственных учреждений и, как следствие, появление системы разделения властей. В Китае, наоборот, построение эффективного государства шло путем подготовки профессионального и высоконравственного бюрократического аппарата. Конфуцианство первым придало авторитаризму развитую форму, создало сложную бюрократическую систему и поэтому первым поняло ее недостатки – одними формальными государственными институтами невозможно добиться совершенства. Конфуций из личного опыта знал, что даже правильные решения могут извращаться на уровне отдельного исполнителя, и предлагал совершенствовать государственное управление прежде всего за счет повышения нравственных и профессиональных характеристик чиновников [Переломов 2017: 18], а не создания новых формальных институтов.

Отсутствие независимых ветвей власти успешно компенсировала универсальная профессиональная корпорация – бюрократия. С династии Хань (II в. до н.э.) чиновники набирались посредством экзаменов, обеспечивавших высокие стандарты подготовки. Конфуцианская этика стала основой совершенствования каждого чиновника и государства в целом. Это предопределило и главную угрозу китайскому государству – нравственное разложение чиновников и постоянную борьбу государства с коррупцией, воплощающей конфликт интереса личного и государственного. И все же вплоть до Нового времени китайская система государственного управления считалась лучшей в мире, намного опережая европейскую[6].

В XIX в. неожиданно обнаружилось, что механизмы самосовершенствования в ответ на вторжение принадлежащего более высокому технологическому укладу Запада не действуют. Начиная с 1890-х годов китайские революционеры попытались внести в механизмы развития страны новые методы. Они при-

[5] "Ибо сущность конфуцианской социальной системы, учрежденной две тысячи лет назад, – это правление под эгидой учителя, авторитет которого с веками только возрастал и давно уже стал непререкаемым" [Тойнби 1991: 282].

[6] О восприятии средневекового китайского государства европейцами см., например [Поло 2005: 163].

знали, что в критические моменты нужно уметь не только совершенствовать существующее государство, но и заимствовать из других стран передовые социальные и политические идеи и даже институты [Сунь 1985: 46]. Разрушение, а не достраивание, создание нового, а не совершенствование старого вслед за Европой стало инструментом общественного развития.

Эту линию на социальное творчество продолжили китайские коммунисты. Созданная после провозглашения КНР политическая система стала новым этапом институционализации авторитаризма. Во-первых, бюрократический класс получил более высокую организацию – политическую партию прямого действия, непарламентского, ленинского типа с высокой дисциплиной, политической ответственностью членов и ясными критериями выдвижения лидера. Идея такой партии была заимствована из идейно-теоретического арсенала советского марксизма-ленинизма. Во-вторых, политическая власть была жестко привязана к идейно-теоретической доктрине, которая ограничивала вождя не меньше, чем конфуцианская доктрина. Эти ограничения во многом объясняют развязанную Мао Цзэдуном борьбу со всеми "бумажными" авторитетами в период "культурной революции". Однако утвердившийся рациональный, а не сакральный характер идейно-теоретической доктрины и политической организации позволил не просто воспроизводить авторитаризм, но и развивать его после смерти вождя. Партия ленинского типа дала, таким образом, шанс на создание авторитаризма современного типа, ограниченного партийной организацией и идеологией.

Начавшиеся в 1978 г. реформы показали: партийный авторитаризм можно и дальше совершенствовать. Высшая власть была ограничена целым рядом условий: во-первых, было отменено пожизненное занятие высших постов в партии и государстве, и, как следствие, возникла задача создания системы преемственности власти, основанной на рациональных принципах (квалификации, компетенциях, политическом авторитете). Во-вторых, была создана система распределения власти внутри действующего руководства, ограничивавшая лидера организационными сдержками и противовесами. В-третьих, была внедрена всеобъемлющая система подготовки высших кадров [Политическая модернизация... 2011a: 88; 2011b: 87], которая базируется на таких обязательных цензах, как членство в КПК; владение официальной теорией и способность ее самостоятельно интерпретировать; выдвижение на ключевые посты лидерами старшего поколения; опыт работы руководителем партийных организаций разного уровня.

Эти изменения стали результатом стечения обстоятельств в не меньшей степени, чем результатом целенаправленных усилий. Так, идея преемственности власти и подготовки преемников выросла из того, что ветераны, взявшие власть, были в преклонном возрасте и не могли руководить страной и партией в оперативном режиме. Для нормального функционирования им требовались более молодые руководители, с которыми они были вынуждены разделить часть полномочий и оформить это институционально. Непосредственно под влиянием несменяемости Мао по инициативе ветеранов было принято решение и об ограничении сроков пребывания на высших постах в государстве.

Одна из ключевых задач политической системы – поддержание баланса между стабильностью и развитием, особенно в период трансформации, чтобы назревшие перемены в одной области не вели к разрушению в других. КПК добилась этого за счет внутренних изменений, смогла использовать принцип

обновления, найдя в процессе партийного строительства для него новые формы и механизмы. Тяжелое социально-экономическое положение добавляло КПК теоретической смелости, готовности отказаться от господства плановой экономики, подталкивало к рыночным реформам.

Согласно традиционным китайским представлениям, правящая династия теряла власть, потому что не могла обеспечить своих подданных элементарными благами – порядком, безопасностью, пищей. Становясь, таким образом, безнравственной, она теряла мандат Неба на правление [Кравцова 2007]; происходила "смена мандата". В отличие от США и современной Европы, где свобода дает гражданину возможность самому обеспечивать свое существование, китайскому патриархальному обществу нужна была не свобода, а строгий порядок, установленный государством. Свобода в этой системе ценностных координат выступала антагонистом порядка.

Изменения последних лет, прежде всего развитие рыночной экономики, показали, что определенная свобода может не вести к хаосу, но только потому, что рынок – это порядок, установленный и контролируемый государством, которое может его менять и меняет, а участники рынка неизменно принимают и подчиняются новым правилам. Так для китайской политической системы была создана адекватная экономическая система, сохранившая цивилизационную идентичность.

Найденный компромисс между сохранением основ цивилизации и необходимостью ответа на новые вызовы помог создать платформу для осуществления рыночных преобразований. Государство должно было сформировать условия для экономического развития, но не вступать в непримиримый конфликт с политическими традициями, обеспечивающими стабильность политической системы и социального организма. Практическим результатом такой стратегии стал синтез, получивший в 1992 г. соответствующее название – "социалистическая рыночная экономика".

В период перехода к рынку Китаю удалось не только сохранить баланс между реформами и стабильностью, но и обеспечить гибкость самой политической системы в сочетании с сохранением традиционных основ китайской государственности. Авторитаризм в Китае смог стать главной движущей силой развития в первую очередь потому, что был институализирован. Институты смогли придать авторитаризму долгосрочный импульс развитию, который не ограничивается мотивацией отдельного лидера, а передается следующему поколению. Более того, сторонники "китайской модели" рассматривают, по мнению С. Хейлманна, Китай "как одну из немногих оставшихся систем, способных проводить стратегический, долгосрочный политический курс". И эта способность "неотделима от авторитарного правления и преемственности исполнительной власти, включающей отсутствие демократических выборов и контроля над исполнительной властью" [Heilmann 2017: 422].

ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ: СЛАБОСТЬ ГОСУДАРСТВ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Различное отношение к государству политических элит Китая и постсоветских стран было предопределено целями, которые они ставили перед собой в начале рыночных преобразований. После "культурной революции" партийная бюрократия в КНР начала реформы, чтобы сохранить власть. Сделать это можно было только, сохранив ответственность за выполнение

обязательств перед обществом, в первую очередь за повышение уровня жизни. В постсоветских государствах пришедшие к власти элиты ради скорейшего превращения в класс собственников[7] стремились как можно быстрее освободиться от остатков прежнего социально-экономического и политического порядка, и прежде всего от обязательств перед обществом. Сильное государство с присущими ему нормами и правилами рассматривалось правящими элитами большинства постсоветских стран скорее как препятствие на этом пути. Расчет делался на то, что общество само о себе позаботится и обеспечит свое выживание в новых условиях. Подобные соображения сыграли важную роль в том, что правительствами многих постсоветских стран был провозглашен курс на радикальные рыночные реформы и масштабную приватизацию (Россия, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдова, Украина, чуть позднее Грузия), предполагавший резкое снижение роли государства в хозяйственной жизни. Государство, особенно коммунистическое, представлялось врагом рыночной экономики и тормозом на пути личного процветания. Подобные идеологии были рассчитаны на решительный разрыв с прошлым и столь же решительный прорыв к будущему. Поэтому и политика, на них основанная, не оставляла никаких шансов для сочетания стабильности и развития.

Впрочем, и ставка на развитие оказалась безуспешной. В постсоветских государствах, в том числе в России, класс собственников создавали искусственно, сверху, путем ускоренной приватизации. В итоге собственник с самого начала становился "инвалидом": для него создавали тепличные условия, и поэтому в условиях конкуренции он зачастую выжить не мог. Желание "сократить" роль государства привело к девальвации и почти полному исчезновению культуры государственного управления – чиновники остались, а профессиональная бюрократическая культура исчезла. Массовые общественные слои, привыкшие к патерналистской опеке со стороны государства, оказались в значительной мере неготовыми к жизни в условиях рынка с его принципом индивидуального выбора и индивидуальной ответственности. Для них актуальной задачей стало выживание, а важнейшим политическим запросом – не рост и развитие, а стабилизация общественной ситуации, чтобы "не стало хуже". Поэтому в середине 1990-х годов в повестку дня постсоветских стран вернулась задача восстановления роли государства и достижения социально-экономической стабилизации.

Даже в тех странах, в которых проведение радикальных реформ отвергалось и упор делался на постепенную адаптацию к изменившимся внешним и внутренним условиям (Беларусь, Узбекистан, Туркменистан), удалось лишь сохранить многие прежние государственные институты, предприятия и правящую бюрократию, но задача развития оказалась проваленной. Государство, испугавшись резкого экономического спада и обострения социально-политической напряженности, заняло охранительную позицию в отношении прежней экономической системы. Общество не смогло предложить и отстаивать альтернативные стратегии действий. Как и в традиционном Китае, прежнюю

[7] В России, например, позднее это откровенно признал один из "отцов" приватизации Анатолий Чубайс. По его словам, "наша приватизация была совсем не справедливая... Политическая конструкция была в том, что мы отдали собственность тем, кто был к ней ближе. Бандиты, секретари обкомов, директора заводов" ("Мы были единственной группой в стране, потратившей больше 10 лет на профессиональную работу по проектированию реформ". – *Полит.ру*. 01.11.2010. URL: https://polit.ru/article/2010/11/01/chubays/ (accessed 06.03.2019)).

власть, нравственно обанкротившуюся, нужно было сменить новой, хорошей: не классовой и чуждой – русской и имперской, а своей – национальной. Это привело к усилению авторитаризма, обосновывавшего свое предназначение необходимостью строительства национальной государственности и сохранения присутствия государства в экономике. Построенные таким образом национальные государства не способствовали возникновению массовых субъектов рынка, а опирались на крупные компании: национальные (государственные или частные, тесно связанные с правительством), либо на более эффективные зарубежные, обеспечивавшие государство высокой рентой. В таких условиях рынок не стал инструментом развития.

ДЕФИЦИТ РАЗВИТИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Достигнув к началу 2000-х годов стабилизации, постсоветские государства так и не смогли запустить механизмы развития. Целью новых элит стало сохранение власти и привилегий, ибо развитие было чревато разрушением статус-кво и утратой достигнутой гегемонии [Hellman 1998]. Достигнутой, что важно подчеркнуть, не в результате предпринимательской инициативы и честной конкуренции, а за счет близости к власти и властного перераспределения собственности. Это одна из причин, почему в постсоветских странах оказалась невозможной политика развития. В них не утвердился авторитаризм развития, как в современном Китае, а возник авторитаризм статус-кво[8]. И даже настойчивые попытки проводить авторитарную модернизацию, как в Казахстане, не приводят к радикальным изменениям, упираясь в естественные ограничители – заинтересованность элит в сохранении их привилегированного положения.

Главной причиной стагнации стало доминирование в экономике и политике института власти-собственности, определяющего политэкономическую основу общества и играющего важнейшую роль в структурировании и функционировании всей системы общественных отношений. Этот институт, существовавший еще в традиционных обществах Востока [Васильев 1982], в современных формах вновь сформировался в эпоху социализма. Смысл его в том, что государство в лице своих агентов выступает одновременно в качестве и владельца, и распорядителя собственности, которая по решению органа власти того или иного уровня может быть отобрана и перераспределена в любое время[9]. Государство (или его представители) в различной форме получают ренту от использования собственности [Бережной, Вольчик 2008: 116]. В институте власти-собственности власть имеет первичный, а собственность – вторичный, производный характер. Эта проблема – общая для всех рассматриваемых стран, в том числе для Китая. Однако в КНР институт власти-собственности существует в конкурентной, в том числе международной, среде и под влиянием целенаправленных усилий КПК ориентирован на развитие.

Распад Советского Союза, уход с исторической сцены Коммунистической партии и перспективы рыночных реформ, казалось, открывали возможности

[8] Авторитаризм статус-кво господствовал на протяжении большей части известной истории, его характерной чертой, а затем главным недостатком была как раз ориентация не на развитие, а на простое воспроизводство.

[9] Категория власти-собственности в последние десятилетия успешно исследовалась специалистами по институциональной экономике [Бережной, Вольчик 2008; Вольчик 2009; Нуреев, Латов 2016; Плискевич 2006]. В рамках разработанной ими интерпретации эта категория и рассматривается в статье.

для разделения власти и собственности. Однако в силу тяжелого экономического кризиса, отсутствия у населения навыков деятельности в условиях рынка, высокой монополизации экономики и др., бывшей советской номенклатуре ("крепким хозяйственникам") удалось выступить в роли "стабилизатора" общественно-политической и экономической ситуации и в значительной степени восстановить доминирующие позиции в обществе. Воссоединение власти и собственности стало естественным результатом данных процессов. С помощью этого института новые правящие слои постсоветских обществ адаптировали под свои интересы нарождавшуюся рыночную экономику и общественные отношения, подчинив их жесткому административному регулированию.

В экономике сформировался "рентный капитализм", при котором элиты были заинтересованы не в производстве добавленной стоимости, а в установлении контроля над источниками ренты (административной, бюджетной, природной). В результате политический процесс приобрел циклический характер, когда меняющие друг друга группы элиты сосредоточены на перераспределении собственности в свою пользу и проводят практически одну и ту же политику [Рябов 2011: 7]. Для них государство – это в первую очередь инструмент борьбы против конкурирующих элитных групп и за сохранение своей власти от претензий со стороны массовых слоев. Поэтому, в отличие от современного Китая, где (особенно с приходом Си Цзиньпина) бюрократию последовательно отсекают от бизнеса, не позволяют рассматривать себя в отрыве от государства, а государство – своим инструментом, в постсоветских странах власть не разделена и слабо институализирована. Это в полной мере относится и к важнейшей проблеме переходного периода – транзиту власти.

Отсутствие устойчивых институтов, правил и процедур привело к тому, что в постсоветских государствах, в отличие от современного Китая и бывшего СССР, так и не сложилась институализированная система рекрутирования элиты. Во властные структуры попадают преимущественно благодаря родственным и земляческим связям, по принципу личной преданности, коррупционным отношениям и т.д. Для новых правящих слоев государство превращается не в инструмент реализации общенациональных целей, а в бизнес-проект для извлечения прибылей ("государство-корпорацию") [Нисневич 2017: 124]. Все это и порождает дефицит развития, характерный как для авторитарных режимов *status quo*, так и для тех, кто не очень успешно продвигается в направлении плюралистической демократии.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОВАЛ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

На постсоветском пространстве не получилось реализовать и проект по созданию демократической государственности, которая опирается на гражданина, способного к сознательным солидарным действиям по отстаиванию своих интересов. В странах бывшего СССР такого зрелого социального субъекта не оказалось. В них, в отличие от государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)[10], к началу преобразований не произошла "революция ценностей". В странах ЦВЕ делегитимация коммунистических режимов состоялась в годы массовых народных выступлений (в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г., Польше 1980-1981 гг. и др.). Именно тогда на уровне массового сознания за-

[10] В ЦВЕ входят все бывшие социалистические страны Европы и государства Балтии. Трактовка термина используется по [Центральная и Восточная Европа... 2012: 9].

крепилось убеждение в необходимости демократических перемен и присоединения к сообществу демократических европейских государств. В бывшем СССР лозунг демократизации был поддержан массами для борьбы с партийной номенклатурой, воплощавшей власть-собственность, и поначалу эффективно использовался для противостояния КПСС. Население понимало демократию не как систему ценностей созидания, а как средство быстрого повышения благосостояния за счет справедливого перераспределения благ. Привыкшее к скромным жизненным стандартам, оно не предъявляло высоких требований к качеству новой государственности. В массовом сознании не сложился образ государства как "сервисного центра", существующего на деньги налогоплательщиков и ответственного перед ними. Когда же постсоветские общества столкнулись с социально-экономическими трудностями, они быстро отказались от демократии в пользу привычного авторитарного патернализма.

Для поддержки слабых демократических институтов требовалась серьезная помощь со стороны внешних акторов. Именно такую помощь, нацеленную на интеграцию постсоветских стран в западное сообщество, получили государства Балтии от Европейского союза. Рискнем предположить, что если бы ее не было, то этим странам вряд ли бы удалось избежать рецидивов авторитаризма. Однако в отношении других постсоветских стран США и их союзники терпимо относились к проведению "дикой" приватизации, к захвату коррумпированными чиновниками и крупными предпринимателями наиболее привлекательных активов, поскольку всерьез опасались возможности возрождения коммунизма.

Очевидно, что такой гигантский социальный переворот в рамках правовых процедур был невозможен. Даже те страны, которые в силу разных причин сделали выбор в пользу продвижения к плюралистической демократии, так и не смогли осуществить решающий прорыв в этом направлении. У власти в них такие же "рентно-ориентированные" элиты, только их конфигурация отличается от той, что сложилась при авторитарных режимах в постсоветских странах. Там ядро правящей элиты составляют высшие слои бюрократии, тогда как в государствах с плюралистическими системами власти его конфигурация может выглядеть по-иному. Так, в Молдове ключевые позиции занимают крупные предприниматели, контролирующие ведущие политические партии и государственный аппарат ("олигархи"). В Украине, по крайней мере, до конфликта в Донбассе, существовало равновесие между высшим чиновничеством и "олигархами". Не исключено, что под влиянием войны в Донбассе эта конфигурация может измениться.

Из-за сдерживающего воздействия со стороны института власти-собственности и рентного капитализма постсоветские страны с плюралистическими системами не могут преодолеть системную коррупцию, создать независимое правосудие, добиться реального прогресса в защите гражданских прав и свобод граждан. Без осуществления этих мер они не в состоянии выйти на новый этап демократического развития, оставаясь по сути лишь "электоральными демократиями". По своей природе государства этой группы остаются постсоветскими с присущим им типом политических систем, которые не могут служить инструментом развития.

Проблемы развития и перспективы: может ли Китай стать ориентиром для постсоветских государств?

В отличие от постсоветских стран, в Китае в ходе реформ появился мощный частный сектор, который со временем стал локомотивом развития страны. Он возник по решению власти, но, не вписываясь в официальную идеологическую доктрину, формировался самостоятельно, в роли дополнения к социалистической экономике. До начала 2000-х годов частный сектор не был полностью уравнен в правах с государственным, облагался более высокими налогами, получал кредиты под более высокие проценты и был вынужден на практике доказывать свою эффективность. Большинство частных предприятий в Китае создавались при непосредственном участии и контроле со стороны партийных и государственных органов, но приватизации как явления не было. Частный бизнес всегда был по своей природе предпринимательским, нацеленным на деятельность в условиях рыночной конкуренции.

Таким образом, хотя институт власти-собственности играл решающую роль в политике и экономике страны, у независимых товаропроизводителей все-таки осталось свободное пространство, где зародилась реальная конкуренция, которая привела к росту экономической эффективности.

Институт власти-собственности сохраняет свое влияние в КНР и поныне, но построен по другим принципам. Для него приоритет государственных интересов бесспорен, несмотря на то, что отдельные чиновники и хотели бы превратить государство в источник извлечения ренты. КПК жестко, особенно в последние годы, пресекает эти попытки, сохраняя инициативу в проведении экономических преобразований [Виноградов 2014: 94]. Государство в Китае, таким образом, обеспечивает макроэкономическую стабильность и сбалансированность и одновременно создает среду и субъекты экономического развития. В постсоветских странах институт власти-собственности служит интересам извлечения ренты элитами и не может быть инструментом развития.

Перспективы политических систем постсоветских государств и Китая также представляются различными. Для стран, образовавшихся на развалинах СССР, главной проблемой видится демонтаж действующего института власти-собственности и формирование новых представлений о государстве, которые, с одной стороны, соответствовали бы национальным традициям, а с другой – оказались бы в состоянии реагировать на новые вызовы.

В мировом опыте в начале XXI в. можно выделить две успешные модели: западную и китайскую, по-разному решающие главные задачи развития. В России и большинстве других постсоветских стран в качестве долгосрочной задачи декларируется создание развитой демократической системы, а авторитаризм никогда не рассматривается в качестве цели развития. Однако одного лишь стремления, а часто и декларации, к утверждению на постсоветской "почве" демократических институтов недостаточно. Для этого необходима рационализация сознания как масс, так и элит, возможно, вестернизация различных сторон социальной жизни – от снижения уровня бытовой коррупции до системы государственных услуг. Ключевой вопрос состоит в том, способны ли постсоветские государства осуществить эти преобразования самостоятельно, за счет внутренних источников, или для этого им потребуется внешнее участие в той или иной форме? Рискнем предположить, что без серьезной внешней помощи, развития интеграционных связей решение

этой задачи выглядит трудновыполнимым. Иной вопрос: заинтересованы ли внешние акторы в такой поддержке? Но и на него сегодня нет четкого ответа.

После того, как КПК на XIX съезде (2017 г.) заявила о международной ценности китайского опыта, готовности нести в мир "китайскую мудрость и китайский вариант для решения проблем человечества"[11], возникают условия для того, чтобы и Китай попробовал помочь государствам, в том числе некоторым постсоветским, создать эффективную государственность, которая, опираясь на национальные традиции, способствовала бы проведению в них модернизации. Несмотря на то, что страны с тесными экономическими и политическими связями с Китаем с подозрением относятся к китайскому влиянию, нельзя не согласиться, что "китайский подход к экономическому и политическому развитию по-прежнему чрезвычайно привлекателен для их правящих классов" [Heilmann 2017: 423].

Для Китая главной проблемой становится сохранение баланса между стабильностью и развитием. Нынешняя ситуация качественно отличается от переломных моментов истории Китая XIX-XX вв. Тогда Китай, всякий раз сталкиваясь с необходимостью преобразований, мог использовать опыт других стран, ориентироваться на внешние примеры и модели. Теперь, совершив переход от аграрного общества к индустриальному, он вынужден самостоятельно искать дальнейший путь развития. Для этого нужно оторваться от главной референтной точки, влиявшей на развитие Китая последние 200 лет, – Запада. Это такая же революционная по масштабам и сложности задача, как до этого признание превосходства, пусть и частичного, Запада и учеба у него. Ее суть в том, как и за счет каких источников осуществлять развитие в новых условиях? И главное: какими должны быть экономическая и политическая системы, составляющие сущность нового общественного строя, формирующегося в КНР?

Не менее сложной представляется и задача обеспечения стабильности, неотделимая от сохранения основ китайской цивилизации. На протяжении последних четырех десятков лет Китай использовал традиционные ресурсы для интеграции в современность (дешевую и многочисленную рабочую силу, конфуцианскую трудовую этику, мобилизующую роль партии и организующую роль государства и т.д.). Но эффективно распорядиться имеющимися ресурсами смог только потому, что в начале реформ определил конечную цель – вписаться в современность, и выбрал направление движения – в сторону материально-технического превосходства Запада.

Сейчас Китай стоит на пороге нового вызова, природа которого отличается от всего, с чем он сталкивался ранее. Сложные внутриполитические и экономические процессы в КНР совпали с переходом мира в новое качественное состояние, связанное с глубокими изменениями технологических и социальных основ современного общества в ходе начавшейся "промышленной революции 4.0".

Нынешний вызов воспринимается китайским руководством как угроза китайской цивилизации и государству. В этом, возможно, главная опасность общественного развития в Китае. Действительно, задача государства сохранять и укреплять себя во время кризиса, задача цивилизации в этих же условиях – не укреплять государство, сопротивляясь изменениям, а способствовать им.

[11] *Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК.* 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed 06.03.2019).

В этом контексте можно рассматривать создание новой версии авторитаризма при Си Цзиньпине. Усиление личной власти вождя сопровождается созданием особого государственного аппарата, который следил бы за точным и правильным воплощением его идей в жизнь. Частично эти функции выполняет партия, которая определяет кадровую политику, готовит государственных чиновников, не позволяет авторитарному режиму назначать случайных людей. Для более эффективной работы государству требуются специальные контрольно-надзорные органы. На первой сессии ВСНП 13-го созыва (март 2018 г.) в развитии системы органов государственной власти произошло историческое событие: был создан новый конституционный орган – Государственный контрольный комитет, объединивший контрольные, надзорные и следственные функции для надзора за государственными чиновниками в центре и на местах.

* * *

Говоря в целом о поиске баланса между стабильностью и развитием в новую историческую эпоху в постсоветских государствах и Китае, отметим, что различия, обусловленные культурно-историческими и цивилизационными причинами, оказываются в процессе транзита несравнимо более сильными факторами, чем общее социалистическое прошлое, включая политические институты и особенности социальных отношений. Во многом по этой причине в постсоветских государствах не удалось соблюсти необходимый для транзита баланс между стабильностью и развитием, в то время как Китай, опиравшийся на наследие своей цивилизации, адаптируя государство и политическую систему к изменившимся условиям, успешно решил задачи первого этапа модернизации в эпоху глобализации.

DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

POLITICAL SYSTEMS OF POST-SOVIET STATES AND CHINA IN THE PROCESS OF INTER-SYSTEM TRANSFORMATION

A.V. Vinogradov[1], A.V. Ryabov[2]

[1]Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

[2]Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

VINOGRADOV, Andrei Vladimirovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Director of Center for Political Studies and Forecasting, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences; Professor, RUDN University, email: vinogradov_a.v@mail.ru; **RYABOV, Andrei Vilenovich**, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, email: andreyr@imemo.ru

Vinogradov A.V., Ryabov A.V. Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation. – Polis. Political Studies. 2019. No. 3. P. 69-86. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05

Received: 06.11.2018. Accepted: 14.01.2019

Abstract. The article analyses why market reforms in the post-Soviet states led them to a state of prolonged stagnation, while the PRC was able to demonstrate significant progress in its socio-economic and technological development and became the second economic power of the world. The object of the research is the transformation of the political systems of the PRC and the post-Soviet countries in the process of intersystem transition. The authors argue that the success of China was due not only to authoritarian modernization, which has repeatedly demonstrated its effectiveness in the process of transitioning from an agrarian society to an industrial one. The CCP's adherence to Chinese political

tradition played a huge role, according to which the state, with its professional bureaucracy, remains the constant basis of social order despite any other changes. Dynasties and political elites replacing each other in power do not destroy the state, but improve it, turning it into an effective tool for the adaptation of society to new challenges. During reforms, China succeeded in keeping the balance between stability and development. The post-Soviet countries, with the exception of Russia, were in significantly different conditions: they did not have developed traditions of statehood so had to start building new ones; in some of them, in the 1990s, the predominant opinion was that in the process of transitioning to a market the role of the state should be minimized; Post-Soviet elites were not interested in creating strong and stable institutions of state power. Their activity was subordinated to realizing groups' interests.

Keywords: political systems, effectiveness of the authorities, post-Soviet states, China, authoritarianism, democratic transit.

References

Hale H.E. 2015. *Patronal Politics: Euroasian Regimes Dynamics in Comparative Prospective*. New York: Cambridge University Press. 542 p.

Heilmann S. 2017. *China's Political System*. Ed. by Sebastian Heilmann. London: Rowman & Littlefield Publishers. 422 p.

Hellman J. 1998. Winners Take All. The Politics of Partial Reforms in Postcommunist Transition. – *World Politics*. Vol. 50. No. 2. P. 203-234. https://doi.org/10.1017/S0043887100008091

Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies.* New Heaven; London: Yale University Press. 268 p.

Leib E.J., He B. 2006. *The Search for Deliberative Democracy in China.* New York: Palgrave Macmillan. 343 p.

Lo B., Shevtsova L. 2012. *A 21st Century Myth – Authoritarian Modernization in Russia and China*. Moscow: Carnegie Moscow Center. 68 p.

Korolev A. 2016. Regime Responsiveness to Basic Needs: A Dimensional Approach. – *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 4. P. 434-455. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12116-015-9209-z (accessed 06.03.2019).

Korolev A. 2017. De-ideologized Mass Line, Regime Responsiveness, and State-Society Relations. – *China Review.* Vol. 17. No. 2. P. 7-36. URL: https://muse.jhu.edu/article/664741/summarys (accessed 06.03.2019).

Nathan A.J. 2003. China's Changing of the Guard: Authoritarian Resilience. – *Journal of Democracy.* Vol. 14. No. 1. P. 6-17. https://doi.org/10.1353/jod.2003.0019

Shambaugh D. 2016. Contemplating China's Future. – *The Washington Quarterly*. Vol. 39. No. 3. P. 123. https://doi.org/10.1080/0163660X.2016.1232639

Berezhnoi I.V., Vol'chik V.V. 2008. *Issledovanie ekonomicheskoi evolutsii instituta vlasti-sobstvennosti* [Research of Economic Evolution of the Institution of Power-Property]. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i Pravo. 239 p. (In Russ.)

Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. 2002. Anklavno-konglomeratnyi tip razvitiia. Opyt transsistemnoi teorii [Enclave-Conglomerate Type of Developments. Experience of Trans-System Theory]. – *Vostok – Zapad – Rossia* [East – West – Russia]. Moscow: Progress – Traditsia. P. 109-130. (In Russ.)

Deng Xiaoping. 1988. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [The Main Issues of Modern China]. Moscow: Politiizdat. 259 p. (In Russ.)

Fisun A. 2007. The Post-Soviet Neo-Patrimonial Regimes: Genesis, Peculiarities, Typologies. – *Otechestvennye zapiski*. Vol. 39. No. 6. P. 8-28. (In Russ.)

Fukuyama F. 1990. Konets istorii? [The End of History?]. – *Voprosy Philosophii*. No. 3. P. 134-155. (In Russ.)

Karozers T. 2003. The End of Transit Paradigm. – *Political Science (RU)*. No. 2. P. 42-65. (In Russ.)

Kitaiskii opyt sovremennoi modernizatsii [Chinese Experience of Contemporary Modernization]. 2011. – *Fundamentalnost' universitetskoi podgotovki ekonomistov: rol' ekonomicheskoi teorii* [The Fundamental Nature of University Education: Role of Economic Theory. Ed. by K.A. Khubiev and Yu.M. Pavlov]. Moscow: Economic Faculty of MSU. P. 141-149. (In Russ.)

Kravtsova M.E. 2007. "Tyan Ming". – *Dukhovnaya Kultura Kitaya. T. 2. Mifologia, Religia* [Spiritual Culture of China. Vol. 2. Mythology, Religion]. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 614-618. (In Russ.)

Melville A.Yu. 2007. Demokraticheskie tranzity [Democratic Transitions]. – *Politologicheskii leksikon* [Political Science Lexicon. Ed. by A.I. Solovyev]. Moscow: ROSSPEN. P. 123-134. (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. 2017. *Politika i korruptsia: korruptsia kak factor mirovogo politicheskogo protsessa* [Politics and Corruption: Corruption as a Factor of the World Political Process]. Moscow: Yurait. 240 p. (In Russ.)

Nureev R.M., Latov Yu.V. 2016. *Ekonomicheskaya istoriia Rossii (opyt institutsional'nogo analiza)* [Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)]. Moscow: KNORUS. 268 p. (In Russ.)

Perelomov L.S. 2007. *Konfutsianstvo i sovremennyi strategicheskii kurs KNR* [Confucianism and Modern Strategic Course of PRC]. Moscow: LKI. 256 p. (In Russ.)

Perelomov L.S. 2017. Uchenie Konfutsia i problema razdelenia vlastei [Doctrine of Confucius and the Problem of Separation of Powers]. – *Konfutsii. Suzhdenia i besedy* [Confucius: Judgments and Conversations]. Moscow: RIPOL-Classic. P. 18-19. (In Russ.)

Pliskevich N.M. 2006. "Power-Property" in Modern Russia. – *Mir Rossii*. Vol. XV. No. 3. P. 62-113. (In Russ.)

Political Modernization of China (part 1). 2011. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. No. 6. P. 88-98. (In Russ.)

Political Modernization of China (part 2). 2011. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. No. 7. P. 81-92. (In Russ.)

Polo M. 2005. Divisament du monde. (Russ. ed.: Polo M. *Kniga o raznoobrazii mira*. Moscow: EKSMO. 480 p.).

Ryabov A.V. 2011. Post-Soviet Social Model: Characteristics and Current Situation. – *The Russian Public Opinion Herald*. No. 1. Vol. 107. P. 5-10. (In Russ.)

Sun Yat-sen. 1985. Predstavlenie Li Hunchangu [Submissions to Li Hung-Chang]. – *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow: Nauka. P. 46-50. (In Russ.)

Toynbee A. 1991. A Study of History. (Russ. ed.: Toynbee A. *Postizhenie istorii*. Moscow: Progress. 736 p.)

Tsentralnaya i Vostochnaya Evropa pered litsom sovremennykh ekonomicheskikh vyzovov i ugroz. 2012. [Central and Eastern Europe in the Face of Current Economic Challenges and Threats. Ed. by N.V. Kulikova]. Moscow: IE RAS. 379 p. (In Russ.)

Vasiliev L.S. 1982. Phenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [The Phenomenon of Power-Property. To the Problem of Typology of Pre-Capitalist Structures]. – *Tipy obschestvennykh otnoshenii na Vostoke v Srednie veka* [Types of Social Relations in the East in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. P. 60-99. (In Russ.)

Vinogradov A.V. 2014. Government, Business and Corruption in China. – *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 1. P. 89-96. (In Russ.)

Vol'chik V.V. 2009. An Evolution of Russian Institution of Power-Property. – *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. No. 1. P. 154-178.

刘海涛2018年。 [Liu Haitao] 论国家治理体系和治理能力的现代化。[Modernization of China's Governance System and Governance Capacity]. – 中国政治。No 4, 第21, 22页. (In Chinese)

唐皇凤2018年。[Tang Huangfeng] 中国政治的回应性与调适性。[Responsibility and Adaptability of China Politics] // 中国政治。No 10，第3页。(In Chinese)

李佃来 2018年。[Li Dianlai] 当代中国政治哲学机构的三个重大理论问题。[Three Major Theoretical Issues of Contemporary Chinese Political Philosophy]. – 中国政治。No 4，第14页. (In Chinese)

董树彬2017年 [Dong Shubin]. "从"政治协商"到"协商民主"的理论拓展。 [Development of the Theory from "Political Consultation" to "The Consultative Democracy"]. 统一战线学研究。No 6，第40页. (In Chinese)

谈火生，于晓虹2018年。[Tan Huosheng, Yu Xiaohong] 中国协商民主的制度化：义题与挑战。[Building Deliberative System in China: Issues and Challenges.] // 中国政治. No 3, 第30页. (In Chinese)

Литература на русском языке

Бережной И.В., Вольчик В.В. 2008. *Исследование экономической эволюции института власти-собственности*. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 239 с.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. 2002. Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт трансистемной теории. – *Восток – Запад – Россия*. М.: Прогресс-Традиция. С. 109-130.

Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. – *Типы общественных отношений на Востоке в Средние века*. М.: Наука. С. 60-99.

Виноградов А.В. 2014. Власть, бизнес и коррупция в Китае. – *Проблемы Дальнего Востока*. № 1. С. 89-96.

Вольчик В.В. 2009. Эволюция российского института власти-собственности. – *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. Ростов-на-Дону. № 1. С. 154-178.

Дэн Сяопин. 1988. *Основные вопросы современного Китая*. М.: Политиздат. 259 с.

Карозерс Т. 2003. Конец парадигмы транзита. – *Политическая наука*. № 2. С. 42-65.

Китайский опыт современной модернизации. 2011. – *Фундаментальность университетской подготовки экономистов: роль экономической теории*. Под ред. К.А. Хубиева и Ю.М. Павлова. М.: Экономический факультет МГУ. С. 141-149.

Кравцова М.Е. 2007. "Тянь мин". – *Духовная культура Китая: Энциклопедия*. Т. 2. Мифология, религия. М.: Восточная литература. С. 614-618.

Мельвиль А.Ю. 2007. Демократические транзиты. – *Политологический Лексикон*. Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН. С. 123-134.

Нисневич Ю.А. 2017. *Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса*. М.: Юрайт. 240 с.

Нуреев Р.М, Латов Ю.В. 2016. *Экономическая история России (опыт институционального анализа): учебное пособие*. М.: КНОРУС. 268 с.

Переломов Л.С. 2007. *Конфуцианство и современный стратегический курс КНР*. М.: ЛКИ. 256 с.

Переломов Л.С. 2017. Учение Конфуция и проблема разделения властей. – *Конфуций. Суждения и беседы*. М.: РИПОЛ-Классик. С. 18-19.

Плискевич Н.М. 2006 "Власть-собственность" в современной России: происхождение и перспективы мутации. – *Мир России*. Т. XV. № 3. С. 62-113.

Политическая модернизация Китая (часть 1). 2011a. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 88-98.

Политическая модернизация Китая (часть II). 2011b. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 7. С. 81-92.

Поло М. 2005. *Книга о разнообразии мира*. М.: Эксмо. 480 с.

Рябов А. 2011. Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние. – *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 1 (107). С. 5-10.

Сунь Ятсен. 1985. Представление Ли Хунчжану. – *Избранные произведения*. М.: Наука. С. 46-50.

Тойнби А. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс. 736 с.

Фисун И. 2007. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. – *Отечественные записки*. Т. 39. № 6. С. 8-28.

Фукуяма Ф. 1990. Конец истории? – *Вопросы философии*. № 3. С. 134-155.

Центральная и Восточная Европа перед лицом современных экономических вызовов и угроз. 2012. Под ред. Н.В. Куликовой. М.: ИЭ РАН. 379 с.

Литература на китайском языке

董树彬2017年 [Дун Шубинь]. 从"政治协商"到"协商民主"的理论拓展。 [Развитие теории от "политических консультаций" к "консультативной демократии"]. 统一战线学研究。No. 6，第40页.

李佃来 2018年。[Ли Дяньлай] 当代中国政治哲学机构的三个重大理论问题。[Три важных теоретических вопроса в структуре современной китайской политической философии]. 中国政治。No. 4，第14页.

刘海涛2018年。 [Лю Хайтао] 论国家治理体系和治理能力的现代化。[О модернизации системы управления государством и способности его к управлению]. 中国政治。No. 4, 第21, 22页.

唐皇凤2018年。[Тан Хуанфэн] 中国政治的回应性与调适性。[Ответственность и адаптивность китайской политики]. 中国政治。No. 10，第3页。